
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02

Правильная ссылка на статью:

Дробижева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7—22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02.

For citation:

Drobizheva L. M. dynamics of civic identity and its potential in positive integration processes in the Russian community. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 7—22. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.02.

Л. М. Дробижева
ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ РЕСУРС
В ПОЗИТИВНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ДИНАМИКА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ РЕСУРС В ПОЗИТИВНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

DYNAMICS OF CIVIC IDENTITY AND ITS POTENTIAL IN POSITIVE INTEGRATION PROCESSES IN THE RUSSIAN COMMUNITY

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор-исследователь НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

*E-MAIL: drobizheva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2869-5388*

*Leokadia M. DROBIZHEVA^{1,2} — Dr. Sci (Hist.), Chief Research Fellow, Head; Research Professor
E-MAIL: drobizheva@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2869-5388*

¹ Center for the Study of Interethnic Relations, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Раскрывается понимание гражданской идентичности в научном и экспертном сообществе, восприятие ее в массовом сознании. Цель статьи в рассмотрении концептуальных подходов к изучению гражданской идентичности, ее динамики в восприятии общественного мнения в 2005—2015 гг. и изменений иерархии идентичностей

Abstract. The paper provides scientific definition and describes public perceptions of civic identity. Conceptual approaches towards civic identity and the dynamics of its public perceptions and identity changes during 2005—2015 are presented in the article. The study is based on the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE)

в эти годы. Эмпирическая база исследования — данные Российского мониторинга состояния экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) и результаты опроса ВЦИОМ–ФАДН. Анализируются рост гражданской идентичности и изменения в ее соотношении с этнической и региональной идентичностью. Установлена доминирующая тенденция паритетного соотношения этих идентичностей, сменившая приоритет этнической идентичности. Далее в статье раскрывается восприятие в массовом сознании разных смыслов гражданской идентичности. Установлено доминирующее представление об объединяющей роли государства. Есть основания называть современную гражданскую идентичность россиян государственно-гражданской. Одну из причин неполного понимания содержания гражданской идентичности автор видит в недостаточной научной разработанности темы и ее трансляции в СМИ и сфере образования. Предлагаются меры по развитию консолидационных тенденций в полиэтническом пространстве России.

Ключевые слова: гражданская идентичность, государственно-гражданская идентичность, консолидация, солидаризация, индикаторы гражданской идентичности, индикаторы этнической идентичности, динамика этнической и гражданской идентичности

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РФФ. Грант № 14-18-01963-П.

Постановка проблемы

Внимание к реализации Стратегии государственной национальной политики повысило спрос на изучение и представление общественному мнению результа-

and results of a survey conducted by the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) and the Federal Agency for Nationality Affairs. The author analyzes the growth and changes in civic identity compared to ethnic and regional identity. The paper highlights that tendency towards parity between these identities which replaced ethnic identity dominance is prevalent. The paper also investigates public representations of civic identity and concludes that the unifying role of state is the strongest representation. There are indications that the Russian civic identity can be referred to as national and civic identity. The author assumes that one of the reasons behind inadequate understanding of civic identity is insufficient scientific study of the issue and poor public dissemination (in media and education spheres). A number of measures to develop consolidation trends in the Russian polyethnic space are proposed by the author.

Keywords: civic identity, national and civic identity, consolidation, solidarization, civic identity indicators, ethnic identity indicators, ethnic and civic identity dynamics

Acknowledgment. The paper is supported by the Russian Science Foundation (grant no. № 14-18-01963-П).

тов воплощения в жизнь ее целей и задач. Актуализация обсуждения проблем ее понимания и реализации повысилась в связи с поручением президента РФ подготовить проект нормативно-правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства многонационального народа России (российской нации)¹. При подготовке этого документа развернулась дискуссия о понимании общероссийской, гражданской политической нации, ее соотношении с нациями в этнокультурном значении. В связи с этим были предложения готовить закон о государственной национальной политике в целом, в котором были бы закреплены положения, содержащиеся в Стратегии государственной национальной политики. Но при этом тоже реанимировались давно обсуждавшиеся проблемы — мы многонациональное государство или национальное государство с этническим меньшинством? И в том и в другом случае государство и общество заинтересованы в осознании жителями страны своей общероссийской гражданской идентичности. Государству необходимо устойчивое сцепление между конструкцией политического порядка и «коллективным целым». А для граждан страны их идентичность важна для социально-психологического состояния, осознания себя и представлений о целях в будущем. Для одних это ощущение общей связанности с прошлым, для других — общности интересов в настоящем и будущем. Так происходит в разных государствах. Японцы ищут, кто они — в большей степени традиционалисты Востока или устремленные в современность западники, немцы не перестают обсуждать, насколько они единый народ после воссоединения восточной и западной частей страны, казахстанцы выстраивают свою множественную идентичность как евроазиатов и казахстанцев, и так практически в каждом государстве. Таким образом, как приходилось уже не раз замечать, в поисках идентичности мы не одиноки. На данном этапе при подготовке нормативно-правового акта, регулирующего «отношения в сфере укрепления единства многонационального народа России (российской нации)» важно понять: как можно трактовать гражданскую идентичность при формировании общероссийской нации, какова динамика гражданской идентичности, какие методологические подходы эффективнее использовать при ее изучении, какими ресурсами можно располагать для ее позитивного укрепления. Эти вопросы мы рассмотрим в статье, учитывая дискуссии, развернувшиеся в научном и политическом сообществах и используя данные наиболее представительных опросов общественного мнения в Российской Федерации.

Под гражданской идентичностью мы понимаем отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране — «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране.

В проекте Концепции нормативно-правового акта, регулирующего отношения в сфере укрепления единства многонационального народа России предусматривается «сохранение российского общества как гражданской нации во всем ее многообразии культур и языков...» и говорится об «утверждении общероссийской идентичности». В проекте глоссария к документу давалось определение: национальное самосознание (гражданская идентичность) — разделяемые гражданами

¹ Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. 31 октября 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения: 18.08.2017).

представления о российском народе как гражданской нации и чувство принадлежности к своей стране и ее народу, ответственность за дела в стране. А дальше раскрывается, что в основе этого самосознания лежат базовые «духовно-нравственные ценности и общая историческая судьба». Определение, по сути, объединяет основные индикаторы, характеристики, сложившиеся в интерпретации этого понятия в социологии, истории, этнологии, политологии.

Различие в определениях, данном нами в статье и предлагаемом в проекте глоссария, состоит в том, что в глоссарии говорится об идентичности как о разделяемом гражданами представлении о российском народе как гражданской нации. В том, что представление о гражданской нации есть у всех россиян, тех, кто идентифицирует себя с гражданами страны, есть сомнения. У нас исторически сложилось представление о нации как этнокультурной общности, а представление о гражданской общности (политической нации) еще только формируется.

Сложность формирования теоретически опирается в неоднозначность, амбивалентность понятия гражданства. Современное общество наследует идеи Великой Французской революции — превращения подданных в свободных граждан, обладающих равными правами независимо от социальных, расовых, этнических, региональных различий. Но известно, что идея равенства впоследствии стала воплощаться в запросах на равенство не только личности, но и групп, в прошлом в чем-то ущемленных в правах или просто воспринимавшихся как отличные. Поскольку право на свободу и равенство стало пониматься не только как универсальные и индивидуальные права личности, но и как свобода и равенство групп (женщин, меньшинств, ассоциаций), общества столкнулись с этнической мобилизацией [Bendix, 1977]. Отсюда такое последовательное и настойчивое требование этнонациональных элит и при принятии Стратегии государственной национальной политики в 2012 г., и теперь, при обсуждении проекта Концепции, формулировки «единство многонационального народа России (российской нации)». Таким образом, дискуссии имеют внутренний смысл — боязнь потерять свою этническую, этнонациональную идентичность. И эти опасения разделяют не только акторы из российских республик, но и политологи из русского большинства².

Э. А. Паин ставил вопрос о возможности гражданской идентичности в ситуации, когда «просматривающаяся в Российской Конституции ориентация власти на развитие гражданской нации, объединяющей весь многонациональный (многоэтнический) народ страны, не конкретизирована в политической практике и пока слабо воспринимается не только в массовом сознании, но и в элитных кругах» [Паин, 2003: 13]. Поэтому идут разъяснения и поиски таких формулировок, которые могут быть понятны и приняты большинством наших граждан.

Идентичность может выстраиваться, осознаваться людьми не обязательно по всем ее признакам, а по каким-то из них (идентификация со страной, государством, историко-культурными основаниями и др.). При этом у людей и групп может быть одновременно не одна, а несколько разных идентичностей — так называемая множественная идентичность, включающая общероссийскую, этническую (этнонациональную) и региональную. Для оценки ситуации в стране

² Щипков А. В поисках «царства правды» // Литературная газета. 4 февраля, 2017.

и регионах важна, конечно, их иерархия в массовом сознании. К этому вопросу мы вернемся после исследования динамики гражданской идентичности. Начнем с рассмотрения методологии и методики ее изучения.

Методология изучения

Гражданская, общероссийская идентичность отражает интеграционные процессы в обществе, без которых не могут складываться политические нации. В нормативно-ценностной концепции интеграции, заложенной М. Вебером, концентрируется внимание на взаимодействии культур, выработке общих ценностей, норм поведения и представлений, «массовых субъективных убеждений» и «субъективной веры» [Weber, 1968: 389]. Эти идеи ориентируют на понимание осознаваемой людьми идентичности как основы интеграции граждан в общество. У Вебера находим и другую идею — объединяет людей в нацию общая цель, выражающаяся в стремлении создать государство. Впоследствии она была развита Э. Геллнером [Геллнер, 1991]. Не случайно есть исследователи, которые в общероссийской идентичности концентрируют внимание на лояльности государству, признании государства «своим» [Тишков, 2013: 64, 66—67, 105—106].

Функциональная (неофункциональная) концепция интеграции, развитая в 1950-е годы Т. Парсонсом, фокусирует внимание на механизмах формирования гражданской идентичности, интересах участников взаимодействий и ценностных предпочтениях [Parsons, 1991]. Это ориентирует нас на выяснение механизмов, определяющих изменения в динамике коллективных идентичностей.

К. Дойч, как известно, развивал коммуникативную концепцию, и по его идее увеличение объемов и разнообразия контактов и связей, информационных обменов скрепляет воображаемые сообщества, в том числе и «общей нелюбовью к своим соседям» [Deutsch, 1969: 3]. Эти идеи направляют на выявление стимулов идентификаций, понимание того, что консолидация может иметь позитивный или негативный характер, и необходимость вычленения самого процесса идентификации. В этом социологические подходы корреспондируют с социально-психологическими. Дж. Мид обосновывал, что идентичность формируется во взаимодействии с другими людьми, и, естественно, исследователи идентичностей рассматривали социальную категоризацию, анализируя стратегию построения идентичностей «мы — они» [Mead, 1934]. Наибольшее внимание и использование в социальной практике получили концепция межгрупповых сравнений Г. Тежфела и Дж. Тернера [Tajfel, Turner, 1985: 7—24] и идеи Э. Эриксона [Erikson, 1963] о динамике идентичностей, связанные с культурными ценностями и идеологией, формируемой в значительной мере государством.

Учитывая, что российская идентичность — это идентичность полиэтнического общества, мы используем концепт «этнокультурных границ», «культурной дистанции» Ф. Барта и идеи Р. Парка о величине социальной дистанции между людьми различных социальных и этнических групп как индикаторы степени солидарности и интегрированности общества [Ethnic groups..., 1969; Park, 1924]. Подход Ф. Барта — один из основных принципов конструктивистской парадигмы в исследовании идентичности. Эту парадигму связывают с идеями П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995]. Принимая во внимание эту объяснительную версию фор-

мирования гражданской идентичности, поясню, что понимаем мы ее в интерпретации Т. Лукмана. Он объяснял, что замысел их социального конструирования опирался на идеи антропологических работ Маркса, социологический объективизм Дюркгейма, понимающую историческую социологию М. Вебера и социальную психологию Д. Г. Мида. Основанием предложенного синтеза была феноменология жизненного мира Гуссерля и Шютца [Интервью..., 2006: 8]. Используя этот подход для анализа гражданской, так же как и этнической идентичности, мы исходим из того, что формирование их может быть успешным лишь в том случае, если они опираются на какие-то исторически сложившиеся представления.

Выступая на Валдайском форуме в сентябре 2013 г., В. В. Путин говорил, что гражданская идентичность не может быть навязана сверху, не может быть построена на основе идеологической монополии. «Такая конструкция неустойчива и очень уязвима... Необходимо историческое творчество, синтез лучшего исторического опыта... с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое»³. Эта ориентация была принята при формировании гражданской идентичности.

Поскольку одним из направлений нашего анализа является рассмотрение динамики гражданской идентичности, нам созвучен подход Р. Брубейкера, представляющий ее как процесс — идентификация, категоризация, самопонимание, социальная локализация, общность, связанность [Брубейкер, 2012: 19]. С точки зрения когнитивистского подхода мы рассматриваем идентификацию и как представления людей, групп об их идентичностях и как политику идентичности. При этом понимаем роль государства как легитимной власти, способной «именовать, идентифицировать, категоризировать и устанавливать, что есть что и кто есть кто, которая располагает ресурсами насаждать категории и классифицировать схемы, возможности организации прошлого опыта» [Брубейкер, 2012: 91].

Обратим внимание еще на один методологически важный момент. Гражданская идентичность формируется во взаимоотношениях по вертикали — в общении с локальными, этнокультурными сообществами, и по горизонтали — с другими политическими нациями, гражданами других государств. При этом идентичности всегда имеют как когнитивную компоненту, так и эмоциональную, и вместе они определяют регулятивную компоненту — деятельностьную практику.

Так же как и другие идентичности, гражданская общероссийская идентичность может быть и номинальной — просто категоризацией принадлежности (называемой), а может быть и действительной, осознаваемой и направляющей какие-то действия или восприятия людей. По аналогии с выделяемыми Д. Хандельманом типами этнических связей [Handelman, 1977] и про общероссийскую идентичность можно сказать, что на ее основе возникают сети, объединяющие людей по этой категории. Они могут быть разной силы, плотности, значимости, актуальными в какой-то ситуации или почти не заметными. Выделяются индивидуальные, личностные я-идентичности и коллективные мы-идентичности. В соответствии

³ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. 19 сентября 2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 18.08.2017).

с этим строятся разные шкалы измерения. Психологи чаще изучают личностные характеристики и используют тест Куна-Макпартленда. «Испытуемого» просят ответить на вопрос: «Кто я?». В социологии изучают коллективные, групповые идентичности — кто мы?

Понятие «российская нация», «мы — многонациональный народ России», «единственный народ России» включались в Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. В 2000 г. понятие «нация» в общероссийском значении и производное «национальный» употреблялось в послании 10 раз, в 2007 г. — восемнадцать раз⁴.

Эмпирической базой данной статьи были общероссийские опросы, которые дают возможность проследить динамику российской идентичности за последние десять лет, когда ее стали последовательно формировать на государственном уровне и изучать в масштабах страны.

Мы используем данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE), в котором вопрос об идентичности ставился в формулировке Е. Н. Даниловой и В. А. Ядова⁵ в виде виньетки: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то о ком бы Вы могли сказать: «Это мы»? Как часто Вы ощущаете близость?..» И далее шел набор коллективных идентичностей: «с людьми Вашего поколения», «возраста», «профессии», «со всеми гражданами России», «жителями края, республики», «города, села», «с людьми Вашей национальности», «с людьми такого же достатка, что и Вы», «с людьми близкими Вам по политическим взглядам», «богатыми», «бедными людьми». Респонденту предлагалось солидаризироваться с позициями «часто», «иногда», «никогда». Первые опросы, которые позволяют провести сравнения, были в 2005 г. В той же формулировке в мониторинговом опросе RLMS-HSE вопрос задавался и в опросе 2015 г. Выборка составляла 15118 респондентов в 39 регионах РФ⁶.

В 2016 г. по поручению президента РФ ФАДН выполнил исследование, опрос по которому проводил ВЦИОМ. В нем в более простой форме вопроса, но по сути такого же содержания у респондентов выясняли их гражданскую, этнонациональную, региональную идентичность. Преимущество опроса ВЦИОМ состояло в том, что он давал возможность сопоставить идентичности. Выборка составляла три тысячи единиц наблюдения и давала возможность сравнения данных.

Мы также использовали данные региональных исследований по проекту РНФ «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества», выполняемого в 2014—2018 гг. Центром исследования межнациональных отношений ИС РАН, поскольку в нем есть вопросы, которые раскрывают содержание представлений, фиксируемых через идентичности, и был собран материал глубинных интервью со специалистами, работающими в изучаемой проблематике, адми-

⁴ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>; <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>.

⁵ Авторы участвовали в российско-польском исследовании, результаты которого были подведены в 2002 г. Тогда позицию «мы — граждане России» выбрали 63 % респондентов.

⁶ Модель выборки // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Официальный сайт. URL: <http://www.hse.ru/rims/sample> (дата обращения: 18.08.2017).

нистративными работниками, отвечающими за реализацию Стратегии государственной национальной политики, активистами НКА (Национально-культурных ассоциаций, автономий), работниками СМИ — трансляторами этой политики (всего 82 интервью в Москве, Калининграде, Якутске, Петрозаводске, Астрахани, Ставрополе, Уфе). Выдержки из некоторых мы здесь приводим.

Что изменилось в идентичностях

Начнем с анализа сопоставимых за десять лет опросов RLMS-HSE (см. табл. 1). Из сравнения результатов опросов 2005 и 2015 гг. видно, что за десятилетие больше всего изменилась идентификация с гражданами России. Гражданская идентичность выросла на 10 п. п., в то время как идентификации по возрасту, профессии, достатку, месту жительства (город, село) практически не изменились. Более близким к гражданской идентичности в иерархии идентичностей было ощущение связи по политическим взглядам. И в этой идентификации произошли самые близкие по значимости изменения (на 8 п. п.), что вполне соответствует представлениям о гражданской идентичности как политически насыщенной. Заметим, что за истекшие годы несколько сократилось число затруднившихся ответить на вопрос именно о своих политических взглядах и об ощущении связи с гражданами России (5 и 8 п. п. соответственно).

Выросла и региональная идентификация (с краем, республикой, областью) — на 6 п. п., что, скорее всего, объясняется сохранением представлений о малой родине. В то же время осталась высокой значимость для людей этнической идентичности и близкого окружения, тех людей, что живут рядом в городе (селе).

Таблица 1. Динамика гражданской идентичности среди других коллективных идентичностей. Ответы на вопрос: «О ком Вы можете сказать: «Это мы»?», в % к опрошенным в 2005 и 2015 гг.

Ощущение связи, единства	Интенсивность идентификаций							
	Часто		Иногда		Никогда		Затрудняюсь с ответом	
	2005	2015	2005	2015	2005	2015	2005	2015
С людьми Вашего поколения	62	62	32	33	1,4	3	4,6	3
С людьми той же профессии, рода занятий	55	55	32	33	6	7	6	5
Со всеми гражданами России	20	26	45	49	19	14	16	11
С жителями Вашего края, республики, области	25	31	49	50	13	10	13	9
С теми, кто живет в том же городе, селе	40	43	49	47	5	5	6	5
С людьми Вашей национальности	42	48	43	43	6	4	9	5
С людьми того же достатка, что и Вы	45	47	42	41	5	6	8	7
С людьми, близкими Вам по политическим взглядам	23	29	37	39	18	16	23	15

Данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE) за 2005—2015 гг.

Для подтверждения точности оценок состояния гражданской идентичности важно их совпадение с общей оценкой масштаба распространения гражданской идентичности, которую дают исследовательские центры. В опросе ФАДН, реализованном ВЦИОМ, гражданская идентичность была столь же распространенной. Данные разошлись всего в один процент — правда, если объединить ответы «часто», «иногда» и «крайне редко» (см. рис. 1).

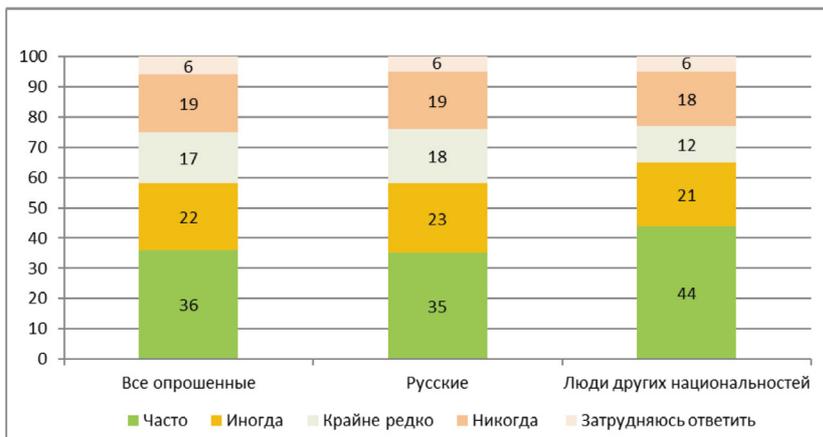

Рисунок 1. Интенсивность гражданской идентичности россиян в целом, русских и людей других национальностей, в % по данным ВЦИОМ в 2016 году

То, что гражданскую идентичность в 2015 г. ощущали три четверти россиян, подтверждается сходством показателей и в других исследованиях. Опрос ИС РАН весной 2015 г. тоже дал такие показатели⁷. В этом исследовании гражданская идентичность изучалась в формулировке RLMS-HSE, только респондентов просили фиксировать не частоту, а силу связи с гражданами России.

При сходстве итоговых показателей некоторые расхождения имели место в ощущении актуальности, силе связи. По данным RLMS, 26 % респондентов часто ощущали связь с гражданами России, по данным ИС РАН, значительную связь отметили 27 %. По итогам опроса ВЦИОМ такую связь в 2016 г. ощущали 36 % респондентов. Ощущение связи иногда — 49 % по данным RLMS и 39 % — по данным ВЦИОМ. Расхождение, как видим, в 10 п. п. За год такие изменения вряд ли могли произойти. Возможно, расхождение объясняется выборкой. В RLMS-HSE выборка 15118 респондентов с широким охватом российских республик. Какое-то значение мог иметь охранительный патриотизм при современных отношениях с западом.

По материалам опросов видны особенности восприятия интересующих нас идентичностей в этническом разнообразии. Больших различий, если сравнивать русских и людей других национальностей, в России в целом нет (различия в 2 п. п.

⁷ Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, социокультурном и этнорегиональном контексте». Рук. М. К. Горшков. Выборка 4000 единиц наблюдения в 19 субъектах Федерации и двух мегаполисах [Российское общество.... 2015: 181].

в лучшую сторону среди нерусских). Но если сравнить долю часто чувствующих «единение со всеми гражданами России», то таких людей, по данным ВЦИОМ, среди нерусских даже на 10 п. п. больше (44 % против 35 % среди русских) (см. рисунок 1). Обращает на себя внимание и то, что русские не реже идентифицируют себя по национальности, чем люди других национальностей в России (среди них 39 % часто ощущают свою этническую идентичность, среди других национальностей — 32 %) (см. рисунок 2). Возможно, это связано с общероссийским масштабом выборки. Люди тех национальностей, которые живут в республиках, представлены в таких выборках невысокой долей. Представители национальностей, дисперсно живущие в районах с доминирующим русским населением, естественно, при опросах (которые чаще всего ведут русские интервьюеры) хотят продемонстрировать свою лояльность государству, большинству граждан, и к тому же чаще аккультурируются. Принимая русскую культуру, они меньше ощущают свою этничность.

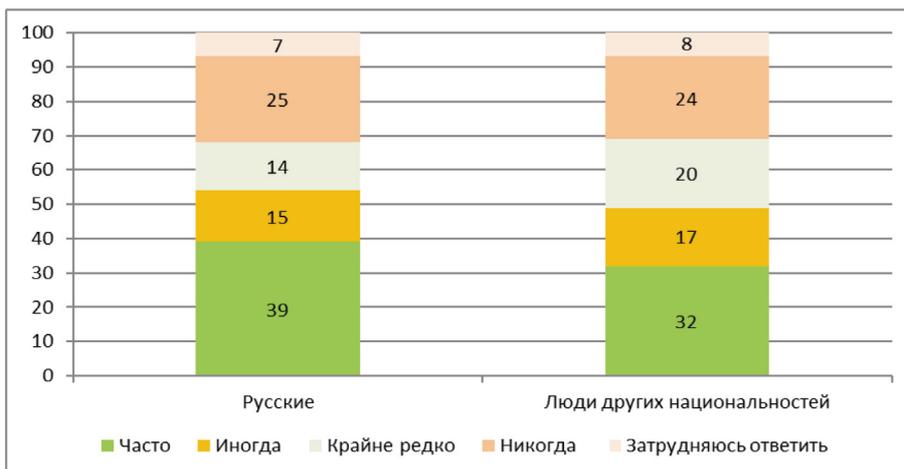

Рисунок 2. Интенсивность этнической идентичности россиян в целом, русских и людей других национальностей, в % по данным ВЦИОМ в 2016 году

В республиках ситуация иная: в Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутии) сильная связь с людьми по этничности заметно выше — более 50—70 % (ощущают сильную связь). Но при этом и ощущение связи с гражданами России тоже высокое: у башкир, русских, татар в республике Башкортостан — 56—62 %, у татар и русских в Татарстане — 57—58 %, в Карелии, Саха (Якутии) — до 44—45 % [Гражданская..., 2013: 59,67,72; Проект РНФ № 14-1801963-П].

Динамика гражданской идентичности за последнее десятилетие прослеживается не только в тенденции расширения масштабов ее восприятия людьми и росте ее актуализации, консолидированности, но и очевидной тенденции изменения в соотношении этнической и гражданской идентичности.

Если в 1990-е годы этническая идентичность очевидно конкурировала с общероссийской идентичностью (первые опросы в Москве показывали, что лишь четверть респондентов выбирали ответ «Мы — граждане России» при 90 % выби-

рающих идентичность по национальности), то теперь это явно совмещающиеся идентичности. Они отличаются по доле ассоциирующих себя с той или другой общностью, но это вполне понятно — сравнивать себя с людьми других стран приходится нашим согражданам реже, чем с рядом живущими людьми другой национальности и культуры, особенно в полиэтничных регионах. Что касается русских, этнического большинства в стране, то у них тем более гражданская идентичность наполнялась этническим содержанием.

Известно, что были национально ориентированные политики среди русских и других национальностей, которые говорили, что им не импонирует слово «россияне». Но общероссийские опросы и исследования в республиках показывали совместимость представлений «мы — граждане России» и «мы — люди той или иной национальности».

Совместимость гражданской идентификации с этнической широко представлено и проявляется в множественной идентичности, о которой не раз рассказывали нам в ходе глубинных интервью люди разных национальностей. Активист-общественник, русский, из Москвы полагает⁸, что «гражданская общероссийская нация понимается, прежде всего, как принадлежность к государству. Государство и является скрепом всего разнообразия... Но в Конституции не случайно записано: «Мы, многонациональный народ России»... национальность свою мы не теряем».

Активист НКА из Карелии рассказывала: «человеку ощущать себя в этнокультурном контексте конструктивнее, потому что он устоявшийся». Она осознает свою гражданскую принадлежность, но замечает «турбулентность политического понятия гражданской общности». Компетентный эксперт в Башкортостане, работающая в сфере образования, рассказывала, что сама она почувствовала свою российскую, гражданскую идентичность тогда, когда побывала в Москве, в других городах страны: «и сейчас в школах стараются организовывать экскурсии по стране, особенно в Москву, Санкт-Петербург... Конечно, мы чувствуем гражданскую идентичность, общую для всех и в разных проявлениях — все болеют за наших на Олимпиадах, но кто-то и активно участвует в выборах, кто-то помогает нуждающимся в помощи, поддержке, обустроивает свою лестничную площадку. Но мы также ценим культуру своего народа, говорим на родном языке, поем национальные песни, стараемся что-то побольше узнать об истории своего народа. И так строим и образовательный процесс о России в целом, и о народах Башкортостана, о башкирах».

Глава республики Башкортостан Р. Хамитов пояснял: «Я ничего дурного, как Говорухин, не вижу в слове россиянин и свободно всегда говорю: «мы — россияне». Но каждый народ и свою культуру, традиции чтит. Хорошие традиции и язык надо хранить, но и насильно обучать никакому языку нельзя. Мы стараемся, чтобы люди разных национальностей чувствовали, что они не забыты. Но главное — в экономике, в успехе людей. Надо обеспечить людей работой и адекватной их труду оплатой. Тогда они и будут смотреть без страха, с надеждой на свое Отечество».

Президент Академии наук Республики Башкортостан академик А. Гиязов: «О российской нации надо в диалоге разъяснять, что никто гражданской идентичностью, общероссийской нацией нашу национальность башкир, татар, русских

⁸ Высказывания из глубинных интервью приводятся из проекта «Ресурс межнационального согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии».

не ущемляет... принципы гражданской нации — свобода, не дискриминация прав человека, это все нужно и для каждого народа. Наша большая гражданская ответственность может помочь все дела решать во имя всех народов и каждого из них. Но надо, чтобы люди это видели конкретно, чувствовали в своей жизни.

Совмещение гражданской и этнической (этнонациональной) идентичностей имеет основание в их смысловой презентации респондентами. В ходе мониторинговых опросов Института Социологии РАН⁹ в 2015 г. 66 % опрошенных считали, что с гражданами страны их объединяет общее государство. В ходе этносоциологических опросов в Татарстане, Башкортостане, Саха (Якутии), Карелии в 2010—2015 гг. 75—80 % делали тоже этот выбор. Другими консолидирующими факторами называют: территорию (54 %), общегосударственный язык (49 %), символы (36 %), праздники (32 %), общие пережитые исторические события (49 %). В гражданской идентичности важный индикатор — ответственность за дела в стране, его называли по общероссийским выборкам до трети респондентов.

В то же время главными консолидаторами при этнической идентификации респондентами выбираются: язык, культура, народные традиции, родная земля, природа (53—75 %), историческое прошлое (49 %), религия (32%)¹⁰. Надо отметить, что при выборе консолидирующих факторов у русских и людей других национальностей очень высокое сходство. Отличие заметно проявляется в большей значимости государства как консолидирующего фактора для нерусских и в амбивалентности истории как пространстве единства и разных толкований. Не только потому что, как говорил академик Ю. А. Поляков, «у нас непредсказуемое прошлое», но и потому что для построения идентификаций в полиэтнических государствах «историческая память — это поле поиска для «героических вдохновений у каждого народа»» [Hobsbaum, 1997: 357]. Россия была внутренней империей, которую таковой большинство населения не считало, тем не менее конструирование общего исторического прошлого — это непрерывный диалог идеологов и переформатирование исторической памяти. Не случайно из результатов опросов видно, что половину русских история объединяет в гражданско-государственную общность, а среди людей других национальностей общей ее видят 30 %¹¹.

Гражданская идентичность по данным и RLMS-HSE, и ВЦИОМ, и Института Социологии РАН сильно не различается в социальных группах и группах по уровню образования, но все же анализ корреляции по критерию Хи-квадрат Пирсона показывает, что гражданская идентичность связана с возрастом и образованием.

Более заметно это среди людей с актуальной гражданской идентичностью (ответ «часто ощущаю связь, единство со всеми гражданами России»). Они образованнее и несколько моложе, чем не ассоциирующие себя по государственно-гражданскому принципу. Среди них больше проживающих в областных центрах (46 % против 34 %). Доля доверяющих другим людям среди них почти вдвое больше, чем среди не чувствующих себя связанными с гражданами России. По данным мониторин-

⁹ Проект РНФ «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». Руководитель академик М. К. Горшков.

¹⁰ Там же.

¹¹ Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах».

говых опросов ИС РАН (в 2015 г.), люди с гражданской идентичностью и прежде всего ощущающие ее в значительной степени чаще доверяют руководству страны: на 24 и 15 п. п. больше президенту РФ и правительству страны.

Среди ощущающих связь с гражданами России несколько больше тех, кто «хотел бы быть полезным государству и обществу» (52 % против 41 %), чувствуют любовь, гордость и уважение к сегодняшней России (75 % против 55 % среди тех, кто такой связи не ощущает), они более толерантны, чаще присоединяются к мнению «Россия — общий дом для всех народов» (51 % против 44 %).

Таким образом, в гражданской идентичности заложен ресурс позитивной интеграции общества. Ресурс этот мог бы быть больше реализован во благо общества, если бы понимание смыслов гражданства глубже осознавалось россиянами, а жизненная практика подтверждала их реальность. В этом позитивная перспектива упрочнения гражданской идентичности.

Важно понимание консолидации не просто для укрепления государства, а для экономического и культурного развития страны, регионов, для баланса интересов большинства и меньшинств, утверждения гуманных ценностей, справедливости, равенства возможностей, соблюдения прав человека, равенства перед законом.

Очевидно, что для понимания и следования принципам гражданской идентичности требуется время. Сейчас реализации позитивной консолидации препятствует сегментарное восприятие смыслов гражданской идентичности, которое не преодолено даже в экспертном сообществе, призванном формировать и транслировать их.

Одни считают, что должно «*культивироваться культурное разнообразие — «народов много, страна одна»*» (специалист в правовой сфере, Москва), другие: «*гражданская принадлежность — это представление о том, что государство является скрепом всего многообразия общества*» (активист-общественник, Москва); «*это ощущение дает чувство величия, целостности, масштабности*» (этнополитолог, Москва). Молодой журналист (Москва) сетовал, что «*величие у нас измеряется в килотоннах ядерной энергии, количестве штыков, в то время как сущностное, что нас объединяет... это культура, отношение к закону*».

Некоторые эксперты полагают, что понятие гражданской нации расплывчатое: «*может, ничего, кроме телевизора, нас не связывает, а о целях и ценностях жизни ответов нет*».

Специалист-политолог из Башкортостана рассуждал: «*Россиянами, наверное, мы себя чувствуем все, но каждый осознает это по-разному. Для одних это просто признание гражданства, для другого это какая-то связь со страной, с соотечественниками, представление о россиянах*». Социолог, работающий в информационной сфере из Саха (Якутия) рассказывал, что часто идут дискуссии и среди ученых, и среди политиков о российской нации: «*люди считают, что гражданское сознание — это осознание своих прав и обязанностей, им не безразличны события в стране, они в ответе за то, что они делают*». К сожалению, об ответственности и специалисты, и активисты-общественники говорили редко.

Выводы

Общероссийская гражданская идентичность имеет положительную динамику в тенденции распространения и ее актуализации. Три четверти россиян присоеди-

няются к мнению «мы — граждане России», но сильное ощущение связи с гражданами страны присуще не более чем трети респондентов.

Смысловое наполнение представлений гражданской идентичности фрагментарно. Это подтверждается как результатами представительных опросов, так и глубинными интервью с экспертами. Солидаризация россиян основана, главным образом, на ассоциированности с государством и эмоциональными переживаниями. Российская гражданская идентичность в основном государственно-гражданская.

Рост патриотических чувств, имевший место в последнее время, базируется главным образом на охранительных представлениях. Не декларационного, а радующего за страну патриотизма у людей недостает.

Для укрепления гражданской идентичности важно наполнить ее смыслами — уважения к закону, правам человека, справедливости, достоинству людей, независимо от национальности, вероисповедания, поддержания норм и принципов поведения, соответствующих такой идентичности. Но пока эти составляющие в сознании людей представлены неполно, в известной мере ущербно.

В последнее десятилетие общероссийская идентичность формируется сверху. При этом «конструкция конструктов» (по Брубейкеру) формируется с учетом строения масс. Но укрепление гражданской идентичности должно происходить за счет освоения ее смыслов в массовом сознании и воплощении их в жизненные практики. Ростки такого сознания есть в обществе. Важно поддержать их и в центре, и на местах.

Гражданская идентичность способствует межэтническому согласию, блокирует этнические предубеждения, но не у всех и не всегда. Между тем, понимать и не обидеть других — гражданский долг человека. Сейчас положение Конституции о равноправии всех народов не воспринимается всеми гражданами как норма. По общероссийским опросам ИС РАН, не более половины населения разделяют мнение о том, что в государстве люди всех национальностей должны обладать равными правами, а в республиках его разделяют от 80 до 90 %, в том числе русских. Этот дисбаланс представляет очевидный риск, который предстоит преодолеть государству и обществу.

Наша гражданская идентичность требует дальнейшей разработки и в научном плане, и в плане трансляции научных разработок в образовательную сферу и массовое, общественное мнение.

Общероссийская идентичность, как показали исследования, формируется в нашем обществе при сохранении высокого уровня этничности среди русских и людей других национальностей. Основной тенденцией, фиксируемой опросами, было их позитивное совмещение. Но этнический фаворитизм очевидно просматривается в условиях конфликтных ситуаций и конфронтации с западными странами. Возможность избежать радикализации национального самосознания всегда остается. Для этого важно каждой стороне сохранить открытость, критичность к себе, привлекать к переговорному процессу широкие заинтересованные слои общества.

Надеяться на то, что достройка управленческого аппарата, ответственного за межнациональные отношения до муниципального уровня, которая осуществляется сейчас, решит все эти вопросы, не приходится. В госаппарате реализа-

цией национальной политики занято 6000 человек¹², но пока нет необходимых, подготовленных специалистов на местах. Поэтому нужны усилия широкого круга ученых и общества, чтобы не только доработать само понимание гражданской нации, гражданской идентичности, но и внедрять это понимание в массовое сознание, во благо людей через включение соответствующих тем в образовательные программы, передачи СМИ, дискурс уважаемой элиты, убеждение жизненной практикой.

Список литературы (References)

Брубейкер Р. Этничность без групп. М. 2012.

Brubaker R. (2012) Ethnicity without groups. Moscow. (In Russ.)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.

Berger P., Luckmann T. (1995) The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: «Medium». (In Russ.)

Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс. 1991.

Gellner E. (1991) Nations and nationalism. Moscow: Progress. (In Russ.)

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М. : РОССПЭН, 2013.

Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow]. Moscow: ROSSPEN, 2013. (In Russ.)

Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 5—13.

Interview with Professor Thomas Luckmann. Journal of Sociology and Social Anthropology. 2006. 2 Vol. V. No. 4. P. 5—13. (In Russ.)

Межэтническое согласие как ресурс консолидации Российского общества. М. : Институт социологии РВН, 2016.

Interethnic consent as a resource of the consolidation of the Russian society. Moscow. Institut sotsiologii RVN, 2016. (In Russ.)

Паин Э. А. Между империей и нацией. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2003.

Pain E. A. (2003) Between empire and nation. Moscow : Fond «Liberalnaya missiya». (In Russ.)

Российское общество и вызовы времени. Книга 2-я / под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М. : Весь Мир. 2015.

Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds.) (2015) Russian society and the challenges of time. Book 2. Moscow, «Ves' mir». (In Russ.)

¹² Интервью И. В. Баринаева на пресс-конференции 25 июля 2017 года // Национальный акцент. 25 июля 2017.

Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука. 2013.

Tishkov V. A. (2013) Russian people: history and a sense of national self-consciousness. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Bendix R. (1977) Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Deutsch K. (1969) Nationalism and Its Alternatives. New York: Knopf.

Erikson E. H. (1963) Childhood and Society. New York: Norton.

Ethnic groups and boundaries. The social Organization of culture differences (ed. by F. Barth). Universitetforlaget, Oslo-Bergen-Tromso. 1969 (reprint 1982).

Handelman D. (1977) The Organization of Ethnicity. *Ethnic Groups*. Vol. 1. P. 187—200.

Hobsbaum E. J. (1997) On history. Weiclenfelol and Nicholson.

Mead G. H. (1934) Mind, Self and Society. Chicago: University of Chicago Press.

Park R. E. (1924) The concept of social distance. *Journal of applied sociology*. Vol. 8. P. 339—344.

Parsons T. (1991) The Social System. London: Routledge.

Tajfel H., Turner J. C. (1985) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Psychology of Intergroup Relations* (eds. Worchel S., Austin W. G.). Chicago: Nelson-Hall.

Weber M. (1968) Economy and Society. New York: Bedminster Press.